

*Головащенко С. И.*

---

**От изучения «библейских древностей» к становлению библейской археологии как науки: опыт Киевской духовной академии (вторая половина XIX — начало XX в.)**

**А**нализ системы библиологического образования в Киевской духовной академии позволяет утверждать, что интерес к «библейским древностям» (религиозно-культовым, общественно-гражданским, семейно- и частно-бытовым) традиционно рассматривался здесь в учебном процессе, прежде всего, с точки зрения дидактической — как средство создания культурно-исторического фона или контекста для усвоения библейского (древнееврейского) языка и культуры, а также для изучения библейской истории. На этих основаниях зиждились стремления углубить понимание студентами смысла библейского текста в целом, сделать более фундированной исагогику и экзегезу конкретных библейских книг.

Со второй половины XIX в. открывалась новая страница в истории интеграции Киевской духовной академии в европейский контекст — культурный и научно-интеллектуальный. Православная духовно-академическая среда входила в формировавшееся тогда в Европе поле культурно-конфессионального и методологического взаимодействия, вследствие которого был чрезвычайно расширен угол зрения в осмыслении и освоении мирового и в особенности христианского духовного и культурного наследия. В значительной мере это касалось развития отечественной традиции изучения и преподавания так называемых «библейских древностей», что тематически проецировалось на такие научно-богословские дисциплины, как библейская археология и библейская история, библейская палеография и библейская текстология. Здесь мы можем видеть эволюцию от эмпирического к теоретическому уровню развития данных направлений библеистики.

Интерес к библейской археологии зарождался и возрастал тогда в своеобразном культурно-политическом контексте выявления и защиты интересов Российской империи на Ближнем Востоке и Российской Церкви — в Па-

лестине. Это проявилось, в частности, в такой форме культурно-религиозной экспансии, как открытие церковных миссий, провозглашение и демонстрация патроната «православного царства» над восточными святынями. Основание Русской духовной миссии в Иерусалиме стало символическим и с точки зрения нашей темы: первые руководители миссии — архимандриты Порфирий (Успенский) и Антонин (Капустин) — были тесно связаны с киевской духовно-академической традицией.

Научно-богословский аспект этого интереса определяли находки археологических экспедиций второй половины XIX в. в Палестине, Сирии, Египте, Месопотамии. Наиболее значительные события в библейской археологии находили отклик среди представителей тогдашней российской богословской науки<sup>1</sup>.

В значительной степени это касалось и ученых Киевской духовной академии. Кроме традиционных внутренних потребностей православной экзегезы в обращении к историко-культурному контексту библейских сообщений, здесь следует принять во внимание и активное развитие исторической критики в европейской библеистике XIX — начала XX в. Наконец, на объём и количество исследований влиял также междисциплинарный характер изучения библейской культуры, когда библейская археология сочеталась с гражданской и государственно-политической историей Древнего мира, с историей хозяйственной жизни, права, образования и воспитания, искусства.

Среди исследователей, которые в разные годы активно трудились на этой ниве, выделялись Ф. Я. Покровский, М. К. Маккавейский, В. П. Рыбинский, С. Булатов, А. А. Глаголев, М. С. Стеллецкий, М. Э. Поснов, М. Вержболович, М. Н. Скабалланович. Едва ли не наибольшую известность в области библейской археологии приобрели архимандрит Антонин (Капустин), деятельность которого была тесно связана с древностями Ближнего Востока, и А. А. Олесницкий, бывший тут бесспорным лидером — как исследователь палестинских древностей, преподаватель в КДА библейской археологии и древнееврейского языка.

---

<sup>1</sup> В. А. П. [Владимирский А. П., прот.] Клинообразные надписи в отношении к библейской ветхозаветной истории // Православный собеседник. 1873. № 9; Иероним (Лаговский), архим. Библейская археология. СПб., 1883–1884. Т. 1. Вып. 1–2; Матвеевский П., прот. Об открытиях в Ниневии в отношении к Священному Писанию. СПб., 1881; Пахарнаев А. И. Исследование о подлинности изображения лика и тела Христа Спасителя на Туринской плащанице. СПб., 1903; Полянский Е. Я. Краткий исторический обзор исследований Палестины и библейских древностей // Православный собеседник. 1915. №№ 4–6, 10; П. Ф. Н. Ассиро-вавилонские памятники и Ветхий Завет // Вера и разум. 1905, №№ 8–9, 12, 18–19, 23–24; Смирнов А. Исторические книги Библии и ассирийские клинообразные надписи // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1873. № 10; Соловейчик И. И. Исследования о надписи Меша // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. №№ 10–11; Троицкий И. Г. Силоамская надпись // Христианское чтение. 1887. №№ 7–8; Его же. Вновь открытая Гезерская надпись // Христианское чтение. 1899. № 3.

Выдающимся представителем российского Православия в Иерусалиме и на всём православном Востоке в 50–80-е гг. XIX в. стал выпускник КДА архимандрит Антонин (Капустин, 1817–1894). Приняв монашеский постриг, он с 1850 г. трудился в качестве настоятеля посольского храма в Афинах, где и начались его научные занятия в области библейской палеографии и археологии<sup>2</sup>. Архимандрит Антонин, совершив экспедиции на Синай, исследовал ряд вопросов библейской географии и топографии, например, относительно событий, изображенных в книге Исход. Результаты его поисков реализовались, в частности, в комментированных переводах книг немецкого египтолога Ф. Й. Лаута «Фараон, Моисей и Исход» и фрагментов трудов Иосифа Флавия, а также в собственных изысканиях<sup>3</sup>. Как библейский археолог отец Антонин стал известен раскопками 1883 г. в Иерусалиме, когда были отысканы фрагменты древних городских стен<sup>4</sup>.

В конце 60-х гг. XIX в. Киевская духовная академия приобрела для себя едва ли не самого одаренного за всё столетие гебраиста и археолога в лице своего выпускника, молодого профессора А. А. Олесницкого (1842–1907), «поставившего изучение еврейского языка и библейской археологии на строго научную почву в полном соответствии с новейшими успехами науки в этой области»<sup>5</sup>. В кругу его научных интересов как знатока восточных языков (еврейского, сирийского, арабского) были библейская текстология и литературная критика, ветхозаветная поэтика, библейские переводы, а также библейская археология. Олесницкий, работая в 1870–1880-х гг. над изучением древних ближневосточных памятников, стал одним из лучших в Российской империи специалистов по научной библейской археологии. Он оставил фундаментальные обобщающие труды по этой дисциплине, в частности, подробное описание доисторических и древних исторических памятников Палестины. Его отчет об археологической экспедиции в Святую Землю до сих пор остается едва ли не наиболее полным среди отечественных

<sup>2</sup> Антонин (Капустин), архим. Из записок синайского богомольца. К., 1873; Исаия (Белов), иером. Исследования архим. Антонина (Капустина) на Синае // Богословские труды. М., 1985. Сб. 26; Никодим (Ротов), архим. История Русской духовной миссии в Иерусалиме // Богословские труды. М., 1979. Сб. 20; Дмитриевский А. Начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин). СПб., 1904; Киприан (Керн), архим. О. Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме (1817–1894). Белград, 1934.

<sup>3</sup> См.: Антонин (Капустин), архим. [коммент. перевод с нем.:] Ф. Й. Лаут. Фараон, Моисей и Исход // Труды КДА. 1875. №№ 11–12.

<sup>4</sup> Описано самим архимандритом Антонином в: Раскопки на русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме // Православный палестинский сборник. СПб., 1883. Вып. 7. См. также: Олесницкий А. А. По вопросу о раскопках 1883 г. в русском месте в Иерусалиме. СПб., 1887.

<sup>5</sup> Титов Ф., прот. Императорская Киевская духовная академия в ее трехвековой жизни и деятельности (1615–1915). Историческая записка. /2-е, дополненное издание. К., 2003. С. 386.

работ такого рода. Олесницкий известен также оригинальной реконструкцией истории Иерусалимского храма<sup>6</sup>.

Интересно обратиться к академическим отчетам 80-х гг. XIX в., где сохранились свидетельства об уже зрелом Олесницком-преподавателе, в частности, о структуре его курсов и методе преподавания как древнееврейского языка, так и библейской археологии. Систематически объединяя преподавание древнееврейского языка и библейской археологии, Олесницкий осуществил своего рода методологический прорыв в отечественной библеистике и методе изложения библейских знаний. Для библейской экзегезы он создавал историко-лингвистический базис, а библейский язык усваивался неотрывно от историко-культурного контекста своего функционирования<sup>7</sup>.

Следует отметить уникальную роль профессора А. А. Олесницкого в теоретическом становлении в КДА библейской археологии как науки. Делаем этот вывод на основе анализа его известных, но малоисследованных работ. Так, необычайно интересным и поучительным будет обратиться к тому этапу научной активности Олесницкого, когда формировался и выявлялся его личный методологический базис. Тут интересны тексты, где ученый прямо высказывал и опосредованно реализовывал определенные методологические принципы и критерии важнейших компонентов научной библеистики в целом и научной библейской археологии в частности. Один из этих текстов прямо касается проблемы определения подлинности памятников библейской и вообще древней истории<sup>8</sup>, а в другом речь идет о репрезентации, обосновании и интерпретации исторических данных в процессе формулирования и доказательства научных гипотез<sup>9</sup>. Значимость этих вопросов определялась несколькими причинами:

<sup>6</sup> Олесницкий А. А. Святая Земля. Т. 1: Иерусалим и его древние памятники. Т. 2: Другие замечательные по древним памятникам места Иудеи. К., 1875–1878; Его же. Судьбы древних памятников Святой Земли. К., 1875; Его же. Путешествие одного египтянина в Палестину, Сирию и Финикию в XIV в. пред Р. Х. // Труды КДА. 1876. № 3; Его же. Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей // Труды КДА. 1877. № 10; Его же. О том, как доктор Сепп открыл древний храм Ваала между Иерусалимом и Вифлеемом // Труды КДА. 1878. № 3; Его же. Гробница Аарона на реке Ор // Труды КДА. 1879. № 3; Его же. По вопросу о раскопках 1883 г. в русском месте в Иерусалиме. СПб., 1886; Его же. Ветхозаветный храм в Иерусалиме. СПб., 1889; Его же. Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895.

<sup>7</sup> См., напр.: Отчет о состоянии КДА за 1886/1887 уч. год // Извлечения из протоколов Совета КДА за 1886/1887 уч. год. К., 1888. С. 21, 24; Отчет о состоянии КДА за 1887/1888 уч. год // Извлечения из протоколов Совета КДА за 1887/1888 уч. год. К., 1889. С. 24; Отчет о состоянии КДА за 1888/1889 уч. год // Извлечения из протоколов Совета КДА за 1888/1889 уч. год. К., 1890. С. 24.

<sup>8</sup> Олесницкий А. А. Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей (с рисунками) // Труды КДА. 1877. № 10. С. 2–78.

<sup>9</sup> Олесницкий А. А. О том, как доктор Сепп открыл древний храм Ваала между Иерусалимом и Вифлеемом // Труды КДА. 1878. Т. 1. № 3. С. 637–657.

— интенсивным ростом количества археологических находок на Ближнем Востоке, отнесенных к библейской истории. Олесницкий анализирует «последствия» одной из таких находок (а именно, найденной Ф. Кляйном в 1868 г. и исследованной в Лувре А. Леморе стелы моавитского царя Месы (Меши) с древнейшей еврейской надписью<sup>10</sup>);

— усилением политического интереса к ближневосточному историческому наследию как идеологической составляющей экспансии тогдашних «великих держав»; один из эпизодов также отметил сам Олесницкий<sup>11</sup>;

— постепенным возрастанiem и укреплением роли науки в формировании «картины мира» европейцев (неокантианство и позитивизм в своих дискуссиях сообща выстраивали эту картину), когда определенный образ «научности» (часто «научообразности») или же ссылки на авторитет «науки» и «ученых» становились аргументами даже в вопросах религиозной истории или в обосновании самих оснований религии и ее священных книг<sup>12</sup>;

— возникновением в области изучения древностей целой индустрии подделок, рассчитанных на типично европейское любопытство, ставшее следствием отмеченного выше восприятия мира. Так, встречаем подтверждение того, что проблема подделок «очень характерна для истории новейшей науки»<sup>13</sup>; это и обусловило обострение вопросов о подлинности археологических находок и о методологии их изучения и интерпретации<sup>14</sup>.

Говоря об общих методах представления археологических данных и доказательствах исторической достоверности артефактов, выдвигая требования и критерии, которые должны прилагаться к исследованию конкретных фактов в области библейской археологии и которые можно было бы отнести к специальным, А. А. Олесницкий выстраивает своеобразную «герменевтику археологической реконструкции», анализируя, казалось бы, рядовые сюжеты тогдашней археологии Палестины. Таким образом выстраивался теоретический базис отечественной библейской археологии как науки<sup>15</sup>. Он развивался в трудах учеников и последователей Олесницкого.

<sup>10</sup> Об этом памятнике см.: Скарнь Олег, прот. Моавитские эпиграфические памятники Стела царя Меши и Остракон из Вади-эль-Керака (IX в. до Р. Х.) как внебиблейские исторические источники периода Первого Храма (лингвосемантический анализ) // Труды КДА. № 12. К., 2010. С. 23–78.

<sup>11</sup> Олесницкий А. А. Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей... С. 28.

<sup>12</sup> Хорошо известная проблема «библейского конкордизма» вырастает оттуда же.

<sup>13</sup> Олесницкий А. А. Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей... С. 4.

<sup>14</sup> Там же. С. 66–69.

<sup>15</sup> См. также: Головащенко С. І. До питання про становлення в Київській духовній академії біблійної археології як науки: досвід Я. О. Олесницького // Київська академія. Вип. 5. К., 2008. С. 73–80; Его же. С. М. Сольский и А. А. Олесницкий как исследователи Священного Писания

Протоиерей А. А. Глаголев (1872–1938), выпускник КДА, с 1906 г. экстраординарный профессор по кафедре Священного Писания Ветхого Завета, хотя и представлял консервативные позиции так называемой «старой» исагогики, тем не менее был знаком с современной ему западной библейской критикой. Отдельными отраслями научно-богословских интересов отца Александра Глаголева были библейская археология и освещение социальной проблематики в ветхозаветной истории<sup>16</sup>. Выдающимся вкладом в библеистику было участие о. А. Глаголева в создании «Толковой Библии Лопухина» (комментарии к ряду книг Ветхого и Нового Завета)<sup>17</sup>, а также «Православной богословской энциклопедии» под редакцией Н. Глубоковского, где тексты Глаголева касались библейской истории и археологии<sup>18</sup>.

Выпускник КДА, доцент, а потом профессор по кафедре Священного Писания В. П. Рыбинский (1867–1944), так же как и о. А. Глаголев, был одним из авторов «Толковой Библии» и «Православной богословской энциклопедии». В кругу его научных интересов была история культуры и религии древнееврейского народа, изучаемая в контексте истории Древнего Востока. Исследователь с позиции православной исагогики полемизировал с представителями религиозно-исторической школы (в частности так называемого «панвавилонизма») в западной библеистике. Ряд очерков Рыбинского был посвящен библейской археологии<sup>19</sup>.

Труды этих и других киевских исследователей, посвященные актуальным событиям в развитии библейской археологии, также демонстрировали наличие отечественного опыта освоения первичного археологического материала, появление собственных попыток историко-археологических и историко-культурных реконструкций. Многочисленными тут были статьи прикладного характера, где описывались

---

(к вопросу о становлении проблемного и методологического поля киевской духовно-академической библеистики) // Труды КДА. № 13. К., 2010. С. 93–96.

<sup>16</sup> Глаголев А. А., свящ. Иерусалим библейско-иудейский и частично современный в историко-археологическом отношении. Б. м. и г.; Его же. Купина Неопалимая. Очерк библейско-экзегетический и церковно-археологический. К., 1914; Его же. Древнееврейская благотворительность // Труды КДА. 1903. № 1; Его же. Социальные отношения израильтян. СПб., 1912; Его же. Закон уживчества, или левиратный брак, у древних евреев (библ.-археологич. очерк) // Труды КДА. 1914. № 4.

<sup>17</sup> Отец А. Глаголев подготовил комментарии на следующие библейские книги: Бытие (гл. 26–50), Левит, Руфь, 3 и 4 Царств, 2 Паралипоменон, Товит, Притчи, Песнь песней, пророков Наума, Аввакума, Софонии и Аггея, а также на Соборные Послания апостолов.

<sup>18</sup> Для «Православной богословской энциклопедии» им были написаны статьи: «Апокалипсис», «Братья Господни», «Иегова», «Иерусалим библейский и современный», «Календарь еврейско-иудейский» и др.

<sup>19</sup> Рыбинский В. П. Древнееврейская суббота // Труды КДА. 1891. №№ 11–12; 1892. №№ 2–4, 6, 9; Его же. Ветхозаветные пророки // Труды КДА. 1907. № 12; Его же. По поводу новейших археологических раскопок в Палестине // Труды КДА. 1908. № 11; Его же. О паломничестве в Иерусалим в библейское время // Труды КДА. 1909. № 11.

и анализировались данные новейших исследований<sup>20</sup>; материал и методология библейской археологии и истории Древнего мира применялись для исследования принятых церковной традицией персоналий и событий священной истории<sup>21</sup>; ветхозаветной истории в контексте истории Древнего Востока<sup>22</sup>; изображенных в Библии религиозных практик<sup>23</sup>, хозяйственных и экономических отношений<sup>24</sup>, права<sup>25</sup>, государственной, гражданской и семейной жизни<sup>26</sup>, образования и воспитания<sup>27</sup>, литературы и искусства<sup>28</sup>.

Усилия археологов и историков, направленные на поиск материала для реконструкции историко-культурного контекста библейских повествований, всегда были органично включены в изучение Древнего Востока, связаны с исследованием связей, взаимодействий и взаимовлияний между древними культурами. Это давало основания для лучшего понимания культуры библейской. Уже с 70-х гг. XIX в. в рамках киевской духовно-академической библеистики, а конкретнее — в тес-

<sup>20</sup> Фоменко К., прот. Новые раскопки в Иерусалиме // Труды КДА. 1894. № 9; Его же. Заметки о гробе царя Давида // Труды КДА. 1898. № 11.

<sup>21</sup> Анатолий, архим. Дельфийская надпись и ее значение для хронологии ап. Павла // Труды КДА. 1913. Т. 1. № 1; Гассиев Аф. Симон волхв и его время // Труды КДА. 1869. № 10; 1870. № 2; Маккавейский Н. К. Археология истории страданий Господа Иисуса Христа // Труды КДА. 1890. № 12; 1891. №№ 1–5; Песочкий С. А. Святой пророк Даниил, его время, жизнь и деятельность // Труды КДА. 1896. №№ 8–12; 1897. №№ 2–7; Покровский Ф. Я. Восначальник Давидов — Иоав // Труды КДА. 1903. № 8.

<sup>22</sup> Олесницкий А. Государственная летопись царей иудейских, или книги забытые (*Παραλειπομένα*) // Труды КДА. 1879. №№ 8, 12; Его же. Государственная израильская летопись, или книга царей Херема // Труды КДА. 1880. № 5; Покровский Ф. Я. Разделение Еврейского царства на царства Иудейское и Израильское // Труды КДА. 1885. №№ 5–12; Платон, иером. Древний Восток при свете Божественного Откровения // Труды КДА. 1898. №№ 6–12; 1899. №№ 2–4.

<sup>23</sup> Вержболович М. Пророческое служение в Израильском (десятиколенном) царстве // Труды КДА. 1889. №№ 4–5, 11; 1890. №№ 2, 10; 1891. №№ 2–3, 6; Никитин А. А. Синагоги иудейские как места общественного богослужения // Труды КДА. 1890. №№ 3–4, 7–9, 11–12; 1891. №№ 4, 6–7; Поснов М. К характеристике внутренней жизни после пленного иудейства // Труды КДА. 1904. №№ 8, 10; 1905. №№ 3, 7; Скабалланович М. Н. Таинственный храм пророка Иезекииля // Труды КДА. 1908. №№ 3, 8; Попович Г. Г. Значение Иерусалимского храма в ветхозаветной теократии // Труды КДА. 1913. № 12.

<sup>24</sup> Булатов С. Состояние иудейских ремесленников во времена земной жизни Иисуса Христа // Труды КДА. 1883. №№ 8–9; Его же. Древнееврейские монеты // Труды КДА. 1884. №№ 10–11; 1885. №№ 3, 6–8, 12.

<sup>25</sup> Булатов Сергей. Полицейское право у древних евреев // Труды КДА. 1883. № 6.

<sup>26</sup> В-в А. [Воронов А. Д.] Семейный быт древних евреев по Пятокижию // Труды КДА. 1866. №№ 10–11; Стеллецкий Н., свящ. Брак у древних евреев // Труды КДА. 1891. №№ 8–10, 12; 1892. №№ 2, 7–8, 10.

<sup>27</sup> Ананьинский Н. Состояние просвещения у палестинских иудеев в последние три века перед Рождеством Христовым // Труды КДА. 1865. № 8; Маккавейский Н. К. Воспитание у ветхозаветных евреев // Труды КДА. 1901. №№ 5, 11; Его же. Древнееврейская школа // Труды КДА. 1903. № 9.

<sup>28</sup> Олесницкий А. Древнееврейские музыка и пение // Труды КДА. 1871. №№ 11–12; Его же. Ритм и метр ветхозаветной поэзии // Труды КДА. 1872. №№ 10–12.

ной связи с библейской археологией и библейской историей, постепенно конституировались компаративные исследования древних культур и религий. Тут отметим заинтересованность академической профессуры в исследовании ассиро-вавилонских влияний на библейскую культуру и религию<sup>29</sup>; влияния древней иранской религии на ряд книг Ветхого Завета<sup>30</sup>; истории самаритянской общины как примера этно-религиозного синкретизма<sup>31</sup>; взаимодействия библейской и эллинистической культур<sup>32</sup>. Исследования ветхозаветной (древнееврейской) истории, религии и культуры соединялись с исследованиями талмудической традиции<sup>33</sup>, причем религиозная и культурологическая компаративистика была способна проецироваться не только в прошлое, но и на современность начала XX в.<sup>34</sup>

Наконец, к рассматриваемой здесь теме имеют отношение, во-первых, библиографические обзоры иностранной литературы по библейской археологии, а во-вторых, рецензии на иностранные и российские работы, касающиеся библейской археологии<sup>35</sup>. Рубеж XIX и XX вв. не случайно был представлен отзывами на публикации западных авторов по библейской археологии. Это очевидным образом связано с из-

<sup>29</sup> Покровский Ф. Рассказ ассирийских клинообразных надписей о потопе // Труды КДА. 1879. № 1; Дроздов Н. М. К вопросу о соглашении библейских свидетельств с данными ассириологии // Труды КДА. 1896. № 8; Песоцкий С. А. Повествование ассиро-вавилонских клинообразных надписей о творении мира // Труды КДА. 1901. № 10; Рыбинский В. П. Вавилон и Библия (по поводу речи Делича «Babel und Bibel») // Труды КДА. 1903. № 5; Его же. К вопросу об отношении Библии к Вавилону // Труды КДА. 1904. № 1.

<sup>30</sup> Дроздов Н. М. Парсизм в книге Товита // Труды КДА. 1901. № 6.

<sup>31</sup> Рыбинский В. П. Очерк истории самарян // Труды КДА. 1895. №№ 3, 11; Его же. Источники для изучения самарянства // Труды КДА. 1911. № 6; Его же. Обзор самарянской письменности // Труды КДА. 1905. №№ 9, 12; Его же. Из истории самарян // Труды КДА. 1912. № 1; Его же. Религия самарян // Труды КДА. 1912. №№ 5, 7–9.

<sup>32</sup> Рыбинский В. П. Религиозное влияние иудеев на языческий мир в конце ветхозаветной и начале новозаветной истории и прозелиты иудейства // Труды КДА. 1898. №№ 11–12; Смирнов Н. П. Терапевты и сочинение Филона иудея о жизни созерцателей // Труды КДА. 1909. №№ 1–5; Иваницкий В. Ф. О происхождении иудейского эллинизма Александрии // Труды КДА. 1912. № 2.

<sup>33</sup> Олесницкий А. Из талмудической мифологии // Труды КДА. 1870. №№ 1–2, 4, 8. Рыбинский В. П. Исторический очерк лжемессианских учений в иудействе // Труды КДА. 1901. № 9.

<sup>34</sup> Глаголев А. А., свящ. Сионистское движение в современном еврействе и отношение этого движения к всемирно-исторической задаче библейского Израиля // Труды КДА. 1905. № 4; Г. А. Мнимое пророчество Ветхого Завета о Российской Государственной Думе // Труды КДА. 1905. № 12.

<sup>35</sup> Глаголев А. А. Новости немецкой литературы по библейской археологии // Труды КДА. 1901. №№ 11–12; Его же. [библиогр. зам. на:] «Восточные обычаи в библейских странах» Г. В. Триста. СПб., 1900 // Труды КДА. 1901. № 2; Рыбинский В. П. [библиогр. зам. на:] Ф. Вигуру. Руководство к чтению и изучению Библии. Ветхий Завет. Т. 1, с илл. по памятникам. М., 1897 // Труды КДА. 1897. № 10; Его же. Вавилон и Библия (по поводу речи Делича «Babel und Bibel») // Труды КДА. 1903. № 5; Его же. К вопросу об отношении Библии к Вавилону [рец. на:]. Н. V. Hiprecht. Die Ausgrabungen im Bel-Tempel zu Nippur. Leipzig, 1903 // Труды КДА. 1904. № 1.

вестными находками того времени. Интересно, что тематика обзоров и рецензий, выявляя характер и степень развития профессиональной коммуникации ученых и богословов, также демонстрирует и своеобразную «событийность» мировой и российской библейской науки, акцентируя внимание на существенных моментах ее развития.

Итак, отмечаем сознательно активное отношение киевских исследователей к знаковым событиям мировой библеистики. Инициированное археологическими открытиями XIX — начала XX в. развитие исторической и литературной библейской критики, использование ее результатов либеральной и рационалистической западной библеистикой побуждали отечественных исследователей к осмыслению возможных историко-критических либо апологетических интерпретаций новых знаний и к поиску их места в православной библеистике и библейском богословии. Интерес к библейской археологии и палеографии, движение от эмпирических исследований к формированию теоретико-методологических платформ и герменевтических программ имели прямое отношение к научно-богословской эволюции в отечественном и мировом Православии, актуальной уже в XX в.